

БУДУЩЕЕ РУССКАГО КРЕСТЬЯНСТВА.

Мы должны вѣрно предвидѣть будущее; знать чего мы хотимъ; и хотѣть только того, что ведетъ къ величію Россіи.

Величіе Россіи требуетъ, во-первыхъ, *духовнаго оздоровленія русской интеллигенціи*, этого служилаго, организующаго и воспитывающаго слоя: національная соль должна возстановить свою силу.

Величіе Россіи требуетъ, во-вторыхъ, подъема русскаго земледѣлія и русской промышленности; и прежде всего — *хозяйственнаго и культурнаго расцвѣта русскаго земледѣльческаго класса, крестьянства*.

Крестьянство составляетъ *количественно основной массивъ* русскаго народа: до трехъ четвертей всего населенія. Такъ было и до революціи: изъ каждаго десяти человѣкъ, самостоятельно зарабатывавшихъ себѣ пропитаніе, отъ семи до восьми человѣкъ работали такъ или иначе на землѣ; и въ этомъ отношеніи все остальные страны уступали Россіи.

Это означаетъ, что въ вопросахъ *физическаго труда, колонизаціи, арміи и рынка* крестьянство являлось въ Россіи главной, — хотя и пассивно-стихійной, — творческой силой. По-прежнему, какъ и сто лѣтъ назадъ, русскій простой человѣкъ въ массѣ былъ проникнутъ «духомъ земли» и внутренне ведомъ «властью земли»: этотъ «духъ» опредѣлялъ собою настроеніе русскихъ рабочихъ массъ; онъ продолжалъ процессъ многовѣковой колонизаціи русскихъ пространствъ; онъ слагалъ весь основной контингентъ арміи; и устанавливалъ уровень русскаго массоваго потребителя.

Въ то же время крестьянство оставалось въ Россіи главнымъ *хранителемъ русскаго національнаго уклада и быта*, — въ этомъ отношеніи являясь сразу и жертвой *инерціи* (въ хозяйствѣ и въ умственной культурѣ), и оплотомъ здороваго *консерватизма* (въ религіи, языкѣ, искусствѣ и государствен-

ности). Крестьянская масса всегда и всюду выступает, какъ сила народно-государственной косности, какъ сдерживающій и уравновѣшивающій социальнo-политическій грузъ. какъ стихія почвенности и дѣловитой трезвости. И всегда бываетъ такъ, что эти драгоцѣнныя *консервативныя* свойства его проявляются тѣмъ продуктивнѣе и спасительнѣе, чѣмъ больше оно преодолеваетъ въ себѣ *реакціонную* — умственную и хозяйственную — *косность*.

Нынѣ, послѣ революціоннаго разгрома, уведнаго Россію на пути сознательнаго *разрушенія*, искусственнаго *упрощенія* и *сниженія*, когда всѣ остальные классы и слои населенія или разорились и почти погибли (землевладѣльцы, промышленники), или жестоко пострадали (интеллигенція, торговый слой, обученные рабочіе), — крестьянство, противопоставившее революціоннымъ бреднямъ и наскокамъ свою почвенность и цѣпкую дѣловитость, окажется тѣмъ *неистощимымъ резервуаромъ*, изъ котораго другіе слои и классы будутъ пополнять свои *утомленныя и подорванныя силы*. Ибо никогда не было и не будетъ государства, состоящаго изъ одного единственнаго класса (все равно — крестьянскаго, или пролетарскаго, или купеческаго). всякое народно-государственное дѣло огромно и сложно; оно можетъ существовать только при пожизненномъ и потомственномъ раздѣленіи труда (*приспособленіе! обученіе! традиція!*). А потому не будетъ и одно-классовой Россіи. И наша страна будетъ расцвѣтать лишь по мѣрѣ того, какъ процессъ революціоннаго упрощенія и сниженія будетъ уступать свое мѣсто новому, органически-здоровому подраздѣленію Россіи на необходимые ей классы, слои и группы: рано или поздно будетъ *новый* промышленный классъ; будутъ *новые*, менѣе крупныя землевладѣльцы; *новый* купеческій слой; *новая* интеллигенція; *новый* квалифицированный рабочій. Все, уцѣлѣвшее послѣ революціи, однажды понадобится Россіи и встанетъ на свое мѣсто; все недостающее — будетъ постепенно восполнено изъ нѣдръ крестьянскаго океана.

При такомъ значеніи крестьянства въ нашемъ прошломъ и въ нашемъ будущемъ, — основной заботой грядущей русской національной власти должно быть *хозяйственное и культурное благосостояніе русскаго земледѣльца*. Это совсѣмъ не значить, что интересы крестьянства должны быть поставлены выше русскаго *всенародно-государственнаго интереса*: требовать этого

значило бы нести крестьянству безчестный демагогическій обманъ. а Россіи — медленное иноземное (торговое, промышленное и культурное) завоеваніе. Часть не можетъ стоять выше цѣлаго; и классъ долженъ служить родинѣ, а не обратно. Но это все же значить, что *будущее нашей родины обусловлено подъемомъ русскаго крестьянства*: если крестьянство будетъ культурно и хозяйственно хирѣть, то будетъ хирѣть и Россія; и расцвѣтъ Россіи возможенъ только при цвѣтущемъ земледѣліи и сознательномъ, богатомъ земледѣльцѣ. Это, конечно, не единственное условіе нашего величія, но условіе необходимое и основное.

Процессъ, который нынѣ совершается въ нѣдрахъ русскаго крестьянства полонъ глубокаго значенія для всего нашего будущаго. Это есть, съ одной стороны, процессъ *инстинктивной индивидуализаціи*, развязанный революціей; съ другой стороны, это есть процессъ *хозяйственнаго разслоенія*, происходящій вопреки революціи и всѣмъ ея снижающимъ и уравнивающимъ нажимамъ.

Революція прежде всего *развязываетъ* человѣка, ослабляя въ его душѣ всякіе удержки и выталкивая его — и своими потрясеніями, и своею пропагандою — изъ привычнаго и коснаго уклада. Въ революціи ослабѣваютъ всякіе удержки, — и внутренние (религіозные, нравственные, семейные, связанные съ правосознаніемъ и чувствомъ долга), и внѣшніе (уголовная репрессія, военная дисциплина и т. д.). Это особенно чувствуется, конечно, въ деревнѣ — съ ея разбросанностью и трудной организуемостью. И революціонная пропаганда только поддѣлываетъ здѣсь то, что вызывается стихійными потрясеніями.

Такимъ образомъ, революція есть своего рода *распаденіе духовныхъ и общественныхъ узъ*. Въ этомъ распаденіи обостряется борьба всѣхъ противъ всѣхъ; каждый начинаетъ надѣяться только на себя самого; въ душахъ усиливаются соревнованіе и зависть; инстинктъ самосохраненія выступаетъ на первый планъ, ожесточается и *обособляетъ* человѣка; а авторитетъ павшей государственной власти, какъ бы распыляясь и разсасываясь годами въ странѣ, придаетъ личному инстинкту человѣка нѣкій самоувѣренный анломбъ и тягу къ независимости. Люди нерѣдко испытываютъ и обозначаютъ это, какъ «освобожденіе» и «свободу». Точнѣе было бы обо-

значитъ этотъ процессъ, какъ инстинктивную индивидуализацію или *усиленіе бытового эгоизма*.

Естественно и понятно, что вовлеченіе въ этотъ процессъ оказывается далеко не для всѣхъ полезнымъ и даже сильнымъ. Всякая бѣда, всякая встряска и обостренная борьба — оказывается по плечу болѣе сильному, изворотливому, напористому и беззаастѣнчивому; и наоборотъ — легко подрываетъ слабого, вялаго и скромнаго. Зажиточный, предприимчивый и прижимистый крестьянинъ всегда сумеетъ не только пережить тяжелое время, но и нажиться: тогда какъ безлошадный и незапасливый — распродастъ и растеряетъ все вплоть до земельного надѣла. Вотъ почему эпоха инстинктивной индивидуализаціи оказывается въ то же время эпохой хозяйственного расслоенія: и современная русская деревня одновременно выдѣляетъ кверху — растущій кадръ зажиточнаго, богатѣющаго земледѣльческаго слоя, а книзу — армію пролетаризованнаго крестьянства (исчисляемаго уже милліонами); и большинству этой «арміи» предстоитъ, повидимому, пережить на мнимомъ «соціальномъ обезпеченіи» суровые годы безработицы и голода, а впоследствии въ эпоху возсозданія русской промышленности пополнить своими остатками ряды настоящаго промышленнаго пролетаріата.

Все это означаетъ, что коммунистическая революція не только не смогла задержать тотъ великій хозяйственный процессъ въ русской деревнѣ, который въ государственномъ масштабѣ навсегда связанъ со свѣтлымъ именемъ П. А. Столыпина, но только болѣзненно ускорила его темпъ. Этотъ процессъ, сводящійся къ *распаденію сельской общины, къ творческому освобожденію личной инициативы, къ укрѣпленію личной собственности на землю и насажденію хуторского землевладѣнія* (со всѣми благими, хозяйственными и гражданственными послѣдствіями) — былъ грубо прерванъ въ первые годы революціи: и сверху — декретомъ объ отмѣнѣ частной собственности на землю и о «поравнительномъ» передѣлѣ земли среди трудящихся, и снизу — стихійнымъ увлеченіемъ крестьянства на путь всеразоряющаго и всеуравнивающаго «чернаго захвата» и «чернаго передѣла». Но затѣмъ въ низахъ наступило разочарованіе и отрезвленіе: раздѣлъ всей помѣщичьей земли прибавилъ крестьянамъ на кругъ всего около подь-десятины на живую душу (въ великорусскихъ губерніяхъ — около $\frac{2}{5}$ деся-

тины; въ малорусскихъ—больше) '); къ тому же, въ общій котель ушла и масса крестьянской купчей земли; а передряги коммунистическихъ передѣловъ, поравненій, продналоговъ и т. д. вызвали не только обширное сокращеніе засѣва, но и могучую, неудержимую индивидуалистическую реакцію въ крестьянствѣ. Декретъ 1922 года вынужденъ былъ считаться съ этимъ возрожденіемъ *столыпинской стихіи* и дать ей нѣкоторый просторъ.

Этой стихіи принадлежитъ въ Россіи будущее. Революція отнюдь не создала этого движенія; напротивъ, она пыталась его подавить и исказить; но подавить его она не смогла; и все, что ей удалось — это увлечь его на уродливые пути черного захвата, замутить его уравнильнымъ соблазномъ и передѣломъ, судорожно ускорить темпъ его изживанія и тѣмъ придать всему процессу разорительныя для государства и болѣзненно-мучительныя для народа формы... Чѣмъ дольше продержится нынѣ совѣтская власть, тѣмъ болѣе убыточно для государства и тѣмъ болѣе болѣзненно для народа пойдетъ въ Россіи дальнѣйшая аграрная эволюція. Но пути ея — будутъ попрежнему *здоровые пути частной собственности, личной инициативы, гражданскаго полноправія и интенсивнаго хозяйства.*

Было бы одинаково наивно думать и то, что земля можетъ вернуться къ помѣщикамъ на прежнемъ основаніи и въ прежнемъ размѣрѣ; и то, что состоявшійся раздѣлъ помѣщичьей земли можетъ въ какой бы то ни было степени «разрѣшить» аграрный вопросъ въ Россіи.

Захваченная земля ушла въ общій котель; обычно она по нѣскольку разъ перемѣрена, передѣлена, изрѣзана и запахана; почти на каждомъ клочкѣ ея выросли революціонныя вождедѣнія, обиды и страсти, скопились революціонныя полу-притязанія и полу-права; и нѣтъ на историческомъ горизонтѣ вѣроятій, чтобы появилась въ Россіи такая социальная и политическая сила, которая затѣяла бы и провела бы новый, «реставраціонный» черный передѣлъ. И если новая національно-государственная власть въ Россіи будетъ о чемъ-либо помыш-

*) Срв. данныя, приводимыя проф. В. А. Кошнскимъ въ его обширномъ трудѣ: «Основные тенденции въ мобилизации земельной собственности». Общанныя нами статьи В. А. Кошнскога значутъ печататься съ четвертой книжки журнала.

лать, то не о дореволюціонныхъ правахъ на землю, таящихъ въ себѣ опасность новой гражданской войны, но о послѣ-революціонномъ вознагражденіи за землю, могущемъ упрочить національный миръ и всеобщее благоволеніе.

Аграрный вопросъ вообще нигдѣ и никогда не можетъ быть «разъ навсегда разрѣшенъ»: тѣмъ болѣе — посредствомъ чисто количественной передачи земли изъ однихъ рукъ въ другія. Аграрный вопросъ, какъ и всѣ живые общественные вопросы, разрѣшается только изъ вѣка въ вѣкъ черезъ *живое творчество*, которое необходимо будить и поощрять, и черезъ *живое равновѣсіе*, которое необходимо все заново поддерживать и возстанавливать. А планы «осчастливить разъ навсегда», — все равно «пожалованіемъ» или «уравненіемъ», всеобщимъ «надѣленіемъ» или всеобщимъ «изъятіемъ», — всегда будутъ наивнымъ ребячествомъ или порочной демагогіей. Нѣтъ и не можетъ быть единого аграрнаго рецепта для всѣхъ временъ и народовъ, своего рода «аграрной панацеи»: и давно уже пора разъ навсегда покончить со всякой аграрной алхиміей — и въ духѣ Маркса, и въ духѣ Генри Джорджа . . .

То, что нужно великой Россіи, не есть ни аграрная реставрація, ни аграрная утопія. Это есть *живое и творческое равновѣсіе между интенсивно ведущимся земледѣліемъ и интенсивно развертывающеюся промышленностью*; то и другое на основѣ *частной собственности и частной инициативы*. И прежде всего — *крестьянинъ долженъ стать полноправнымъ собственникомъ и культурной, гражданственной личностью*. Внѣ этого — великой Россіи не быть.

Только частная собственность на землю — полная, свободная, безсрочная и наследственная — успокоитъ и удовлетворитъ русскаго мужика; только она пробудитъ и вызоветъ къ жизни всѣ дремавшія силы Микулы; только она покончитъ разъ навсегда съ тѣми зловредными пережитками татарскаго ига и крѣпостного права, которые подрывали у мужика вѣру въ «труды праведные» и питали его вѣковую неувѣренность и лѣнь. Русскому крестьянину необходимо дать всѣ мотивы и развязать всѣ его силы для того, чтобы *инстинктъ его заохотилъ работать безъ оглядки и безъ удержу*, — чтобы онъ повѣрилъ наконецъ и людямъ, и землѣ, и вложилъ цѣликомъ въ обработку земли, какъ въ источникъ *своего собственнаго* (а потому и всенароднаго) богатства. А это ему дастъ только

полноправная частная собственность: она и только она научить его *творчески любить* — и землю, и жизнь, и родину. Тогда онъ пойметъ, что богатство добывается напоромъ на природу, а не на богатаго сосѣда: что богатѣютъ отъ интенсивнаго хозяйства, а не отъ «захвата» и «погрома»: что его личный, шкурный интересъ требуетъ не нарушенія правопорядка въ свою пользу («не пойманъ, не воръ»), а суроваго поддержанія правопорядка во что бы то ни стало. Частная собственность развяжетъ его хозяйственную инициативу, откроетъ ему глаза на «пользу науки», пробудитъ въ немъ правосознаніе и вѣрное чувство свободы, прикрѣпитъ его къ государственности и родинѣ. Россія рухнула прежде всего потому, что этого всего русскому мужику не доставало. Россія будетъ расцвѣтать по мѣрѣ того, какъ русскій крестьянинъ будетъ все это приобрѣтать.

Онъ долженъ стать не «богатѣющимъ мѣщаниномъ», притязательнымъ, самодовольнымъ и пошлымъ; но *личностью* и *гражданиномъ*. Конечно, будетъ и эпоха преобладающаго мѣщанства, особенно послѣ революціи. Но глубина русскаго Православія; но природная мечтательность и даровитость русской души; но патріотическое воспитаніе въ арміи; но облагораживающее вліяніе новой, выздоровѣвшей русской интеллигенціи — могутъ и должны овладѣть этой стихіей мѣщанства и прожечь ее изнутри и снаружи. Здѣсь необходима цѣлая система національнаго воспитанія, пробуждающая въ душѣ идвигающая въ душу *чувство собственного духовнаго достоинства*, — не заносчивости, не гонора и гордости, но *чувство христіанской призванности* и *рыцарственной чести*.

Да, только началами *собственности* и *чести* будетъ побѣжденъ и искорененъ въ Россіи духъ коммунизма и революціоннаго безчестія. Все будетъ полезно Россіи, что будетъ содѣйствовать этому процессу; и все будетъ ей вредно, что будетъ искажать его или задерживать. Здѣсь дѣло не только въ «народномъ образованіи» — въ двухверстной школѣ, въ дешевомъ обученіи, въ обиліи гимназій, народныхъ «университетовъ» и настоящихъ университетовъ: нѣтъ. вѣтъ духовнаго, религіозно-волевого и орденакаго *воспитанія* массъ — все это будетъ только разливать ядь полуобразованности, верхоглядства, претенціозности и пошлости, только подрывать и разлагать бытіе родины. А заваливать народную душу пустыми свѣдѣніями, не строя и не воспитывая народной духъ — значитъ возвращать

поколѣнія ловкихъ и свѣдущихъ безстыдниковъ, достаточно «образованныхъ» только для того, чтобы «нести Русь розно».

Это воспитаніе русскаго крестьянина на началахъ служенія и чести отнюдь не слѣдуетъ представлять себѣ въ видѣ какой-то «прекраснодушной проповѣди» или сентиментальнаго «уговариванія». Нѣтъ, это есть система живого, государственнаго и бытового воздѣйствія. Она должна начаться въ церковномъ приходѣ, который будетъ воздѣйствовать на своихъ порочныхъ членовъ; она должна продолжаться въ мѣстномъ самоуправленіи въ видѣ нещадной и клеймящей борьбы съ безотвѣтственностью, безхозяйственностью, съ хищеніемъ и взяточкою; она должна изливаться живыми потоками изъ національной арміи; и культивироваться въ особыхъ, всюду насажденныхъ, независимыхъ судахъ чести. Надо *приняться за всю стихію русскаго безчестія*, съ дѣтства подрывающую въ русскомъ человѣкѣ стыдъ и достоинство: начиная отъ негигіеничнаго жилища (повальное спанье въ избахъ) и матернаго ругательства, и кончая заноемъ и укрывательствомъ краденаго. Русскій крестьянинъ долженъ остро почувствовать, что у него *есть честь, доброе имя и семейное (родовое) достоинство*; что ему *открытъ путь личной заслуги, почета и даже славы*; что онъ сынъ великаго народа, имѣющаго святыхъ и героевъ, и гражданинъ великаго государства, имѣющаго славныхъ царей, артистовъ и ученыхъ. И тогда онъ *возревнуетъ о совершенствѣ* и довершитъ дѣло совершенствующагося хозяйства — дѣломъ крѣпнущаго духа.

Проблема русскаго крестьянства есть проблема самой Россіи: ибо какъ возводить ея великое зданіе, если основной массивъ ея націи пребываетъ въ низинѣ? Не въ «демократіи» дѣло, а въ томъ *духовномъ и хозяйственномъ расцвѣтѣ народной души*, при которомъ даже водвореніе «демократіи» или «республики» не сулило бы странѣ быструю гибель...

Кто поведетъ Россію на этотъ путь? Кто сможетъ и захочетъ дать ей это?.. Будущее таинственно молчитъ.

Но кто бы ни былъ этотъ ведущій и дающій — диктаторъ, цезарь, бонапартъ или избранный законный государь — мы всѣ обязаны помочь ему, грядущему строителю Россіи.

И. А. Ильинъ.